

интеллигент задаётся целью насильственно устроить «рай на земле» по своему плану (1, с. 349).

Безусловно, что XX столетие – это время триумфального шествия доктрины нигилизма, и сегодня, спустя сто лет, мы также наблюдаем нигилистические настроения в обществе, в том числе в молодежной среде (примерами могут служить Национал-Большевистская Партия, скинхеды и др.). Именно поэтому рассмотренный нами критический анализ феномена нигилизма начала XX века не утратил своей актуальности. В своем исследовании С.Л. Франк не одинок, о социальном нигилизме писали и другие русские православные мыслители, в том числе С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, являя поразительное единодушие в своих призывах вернуться на традиционный для России путь устройства жизни и хозяйствования, следуя высоким идеалам православной веры и патриотизма.

Литература

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
2. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991.

М.А. ОСТАПЕНКО, А. КЛИМАШЕВСКИЙ

Ф. НИЦШЕ – МУДРЕЦ ИЛИ ЗЛОМУДРСТВОВАТЕЛЬ?

Ф. Ницше считают создателем самых ярких философских афоризмов. В частности, его работа «Злая мудрость» является образцом этого жанра. Ницше ставил своей целью показать путь фундаментальной переоценки ценностей европейской культуры, путь освобождения от «старых истин». Если более ранние работы («Человеческое, слишком человеческое» или «Веселая наука») написаны в стиле размышления, то в «Злой мудрости» преобладают антитезы и парадоксы, эта работа подчеркнуто эмоциональна, личностна. Здесь уже нет места раздумью, сомнению, позиция автора сформировалась, все вопросы решены, в ней подводится определенный итог.

Ницше кажется, что он вскрыл амбивалентность понятий добра и зла, исходные основания морали, сущность человека. Философ становится в позицию мудреца, но чтобы подчеркнуть особенность, новизну своей мудрости автор называет ее «злой». Тогда как следует называть самого Ницше, создателя этой «Злой мудрости»? «Зломудрствователь – человек искажающий истину ложным и пагубным умствованием». Мудрость же, согласно Далю – соединение истины и блага, «слияние высшего состояния умственного и нравственного совершенства».

Может, Ницше действительно мудр, может, он действительно вскрыл природу морали, природу добра и зла, а его мудрость называется злой только в противовес буржуазной обывательской морали его времени? Если это так, то руководство ницшианской злой мудростью должно привести к созиданию

нового типа морали, к формированию сверхчеловека. Для ответа на поставленный вопрос обратимся к опыту реализации идей Ницше в XX веке. Его идеи были восприняты многими людьми не только на индивидуальном уровне, но и легли в основу социальных отношений, в основу культуры. XX век всеми своими событиями испытывает новые ценности Ницше на жизнестойкость. Одна только личность и деятельность Гитлера стоят много. И как бы не пытались оправдать самого Ницше, как бы не пытались доказать его непричастность к фашистским интерпретациям его идей, все же она (эта интерпретация) остается единственной. Не на что больше сослаться, чтобы предъявить миру более адекватный вариант проведения в жизнь ценностей гениального мыслителя.

Да, буржуазная мораль во многом разрушена XX веком, но ощущение одиночества, непонимания, покинутости индивида только возросло с разрушением моральных устоев. Ницше же ожидал совсем иной поворот дел – он надеялся на освобождение сил личности, на то, что жизнь будет более соответствовать природе человека, а, следовательно, станет честнее. Но жизнь превратилась в сплошную игру, смену масок и декораций, за которыми личность окончательно теряет себя.

Одним словом, как жизнь самого мыслителя, так и жизни многих и многих людей в рамках культуры XX в. показали разрушительность ценностей, провозглашенных «Злой мудростью». Возникает вопрос: можно ли было усмотреть эту разрушительность ницшеанских ценностей при прочтении работы? Можно ли было предвидеть такой исход еще до начала попыток реализовать ценности Ницше в жизни отдельных людей и культуры в целом? Обратимся к тексту работы.

Во-первых, спокойное (без негодования или, напротив, восхищения) знакомство с афоризмами «Злой мудрости» приводит к выводу о том, что эти идеи не оригинальны, эти ценности не новы. Все что сказано, все, что выстрадано Ницше, говорилось раньше. Все это уже было.

Во-вторых, не смотря на то, что «Злая мудрость» – это не размышление над вопросом, а уже устоявшийся ответ мыслителя, его окончательные оценки и мнения, целый ряд афоризмов противоречат друг другу. Чего стоит только «Я ненавижу людей, не умеющих прощать»? Ведь ненависть к человеку – это и есть прощение его.

Коль скоро претензия Ницше на оригинальность оказалась не состоятельной, можно было бы и не ставить эксперимент на собственных жизнях, стремясь узнать в себе сверхчеловека, а внимательно проанализировать опыт тех, кто подобные ценности исповедовал задолго до того, как Ницше облек их в столь привлекательную форму. Этот анализ показал бы справедливость риторического вопроса Григория Богослова: Слова опровергаются словами, но чем ты сможешь опровергнуть жизнь?

Действительно, эти ценности не создают великой личности, не воспитывают сильный характер, но медленно подтачивают силы человеческой души, расслабляют и рассредоточивают их. Они не даруют человеку свободу, а напротив, приводят к обратному результату – индивид

определяется обстоятельствами, другими людьми, своими слабостями и пристрастиями, – чем угодно кроме собственного «я». Единственное что растет и крепнет в подобной ситуации – это гордыня.

Налицо вместо сверхчеловека – серый, бесхребетный «обыватель», против которого так яростно выступал Ницше. Не к формированию сильной, свободной, самоопределяющейся личности ведет «Злая мудрость», а значит Ницше все-таки не мудрец, а зломудрствователь – человек искажающий истину ложным и пагубным умствованием.

Л.Г. КОПАЛОВА, М.Н. ТОМИЛОВА

СВОБОДА КАК КОРЕНЬ ЗЛА И БОГОПОДОБИЯ В ФИЛОСОФИИ Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Кажется, что понятие выбор того или иного решения, способа действий и типа мировоззрения не представляется возможным, так как невозможно понятие свободу, лежащую в основе выбора. Разграничить произвол и свободу, свободу и необходимость стало важной задачей для мыслителей русской философии начала XX века. Актуальность проблемы свободы определяется провозглашением не только политических свобод в России конца XX века, но и констатацией индивидуальной свободы в выборе религиозных и духовных ценностей. Иначе говоря, каждый из нас, молодых, осознанно или бессознательно стоит перед выбором, который и есть проявление свободы. Отсюда и задача, интересная для мышления и практически важная для жизни – понятие феномен свободы.

В истории философии отмечено существование двух видов свободы – свободы произвола и свободы, ориентированной на идеальное должествование. Для первой основанием является собственный произвол, для второй – добро и истина как объективно существующие ценности. Недооценка первой, основанной на произволе, не позволит реально оценить глубину и страстность желания в человеке «по своей глупой воле пожить» (Ф.М. Достоевский), но лишает глубины и второй тип свободы. Этим вопросам посвящены многие произведения русских мыслителей. В работе «Этика преображенного Эроса» (1931) один из видных русских философов этого периода Б.П. Вышеславцев (1877-1954) рассматривает проблему свободы, реализуемой в этике творчества. В основу своей концепции он положил идею человеческого богоподобия, составляющую предпосылку для понимания сущности человека.

Наряду с разумом свобода является божественным началом в человеке, утверждает Б.П. Вышеславцев. Поскольку разум и свобода – качества всеобщего духа человека, то и духовное в человеке есть Божественное, а значит несотворенное, вечное, и потому таинственное, непостижимое. Как выразить в рациональных понятиях произвол? – задается вопросом философ (см.: Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного эроса. М., 1994, с.94). Очевидно, что произвол лишь момент в составе истинной свободы. Но